

X. POTE

**«ИЗБРАЛ ОН СОВСЕМ ОСОБЫЙ ПУТЬ»
(ДЕРЖАВИН С 1774 ПО 1795 г.)***

В начальный период творчества, с 1767-го примерно по 1780 год, Державин сохранял основные просветительские представления. В стихах он стремился поучать государственных деятелей, воспевал правителей и наиболее значительные события общественной и политической жизни, обращался к просвещенным вельможам с эпистолами или высмеивал предрассудки в шуточных произведениях, отдушиной для слабостей человеческой природы была анакреонтика¹. Подобные стихи обычно мало индивидуализированы, в них доминируют просветительские

* Настоящая статья — несколько измененный текст доклада, прочитанного 28 сентября 1996 г в Потсдаме, в Центре по изучению европейского Просвещения, на конференции «Восприятие идей Просвещения в России в контексте официальных концепций образования 1700—1825». Полный текст статьи на немецком языке опубликован в *Zeitschrift für Slavistik* Bd 42 1997 N 1 S 68—93

¹ Похвальные оды Державина «На шествие Императрицы в Казань» (1767), «Ода Екатерине II» (1767), «На поднесение депутатами ея величеству титла Екатерины Великой» (1767), «На победы Екатерины II над турками» (1772), «На бракосочетание великого князя Павла Петровича с Натальею Алексеевною» (1773), «На обручение великого князя Павла Петровича с Мариею Федоровною» (1776), «Петру Великому» (1776), «Монумент Петра Великого» (1776), «На освящение Каменноостровского инвалидного дома» (1778). Оды на смерть сановников «На смерть Бибикова» (1774). Послания «Эпистола к генералу Михельсону на защите Казани» (1775), «Эпистола И И Шувалову» (1777), «Невесте» (1778). К шутивным стихам можно причислить «Модное остроумие» (1776) и ранние анакреонтические стихи (1770—1776). И, наконец, надписи, обращенные к Петру (1775), к Феофану Прокоповичу, А Д Кантемиру и Н Н Поповскому (1777).

формулы, которые сохраняются в державинском творчестве вплоть до начала XIX века, а в последние годы жизни Державина их роль даже усиливается. И все-таки 1780 год стал важнейшей вехой, что связано с так называемым «переломом», «скачком», который, как считается, произошел в его творчестве в 1779 году.

Об этом «скачке» сохранилось признание самого Державина, однако его сущность еще не была прояснена, не сохранилось и свидетельств кого-либо из современников. Сам поэт в 1805 г утверждал, что с 1779 г «избрал он совсем особый путь, будучи предводим наставлениями г Батте и советами друзей своих Н А Львова, В В Капниста и И И Хемницера, подражая наиболее Горацию»². Все исследователи, писавшие до В Ф Ходасевича,³ не оспаривая приняли это положение. Ниже предпринята попытка рассмотреть, в какой степени творчеству Державина после 1779 г присуще нечто новое и какую роль при этом играл до 1795 г Гораций.⁴ Одновременно будет обращено внимание и на то, как менялись у Державина традиционные воззрения на «просвещение» и на поэзию в их взаимоотношении, т е, в сущности, как виделась ему связь политики и поэзии.

При этом хотелось бы проанализировать один из мотивов, а именно мотив зеркала, в четырех стихотворениях «Ключ» (1779), «Бог» (1781/1784), «Ласточка» (1792/1794), «Памятник» (1795).

Есть доказательства тому, что Гораций был известен Державину с 1774 г,⁵ когда он переложил в стихи пять од Фридриха Великого с немецкого прозаического перевода, изданного в 1760 г. Как недавно показала Н Ю Алексеева, все они были ориентированы на оду «A la fortune» (1723) Ж-Б Руссо (1610–1741), считающуюся первой в ряду горацианских од нового классицизма. Другим посредником был Карл Вильгельм Рамлер (1725–1792), стихи которого Державин к тому времени уже хорошо

² Державин Г Р Сочинения с объяснительными примечаниями Я Грота 2-е изд СПб, 1864 Т IV С 443 (в дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома римскими цифрами, страниц — арабскими). Несколько иначе цитируется Я К Гротом в другом месте (VIII, 275 и далее).

³ Ср «В действительности такого перелома не было» (Ходасевич В Ф Державин М, 1988 С 97).

⁴ См Пинчук Л А Гораций в творчестве Г Р Державина // Учен зап Томского ун-та 1955 Вып 24 С 71–86, Busch W Horaz in Rußland München, 1964 S 70–86.

⁵ Алексеева Н Ю Державинские оды 1775 года (К вопросу о реформе оды) // XVIII век СПб, 1993 Сб 18 С 75–92.

знал⁶ На один из его переводов Горация ориентирован державинский «Ключ»⁷ Вряд ли поэтому можно говорить о «скачке», скорее — о постепенном развитии

Ода «Ключ» — первое программное стихотворение Державина, посвященное поэтическому творчеству, сама поэзия впервые им сделана здесь темой лирического произведения

Речь в данном случае должна вестись о литературном влиянии Как известно, переводы и переложения того времени допускали особенно большое число вольностей, и именно отклонения от образцов позволяют оценить степень оригинальности русской поэзии эпохи Просвещения, которую столь часто считают стереотипной и абстрактной

К написанию оды «Ключ» поэта побудил выход из печати «Россиады» Хераскова летом 1779 г Державин избирает в качестве образца 13-ю оду III книги Горация, в которой римский поэт описал ручей Бандузия у себя на родине как источник поэтического вдохновения Сравненный с Кастальским ключом, он становится метафорой поэзии вообще Ему же уподоблен ручей в поместье Хераскова близ Москвы Державин, и прежде ориентировавшийся в своем творчестве на Хераскова и его учеников, свое программное произведение о сущности поэзии обращает именно к нему Это вполне логично, ибо, хотя Державин и утверждал позднее, что Ломоносов был в то время его ориентиром, кажется, что Херасков был ему тогда все же ближе

Но стихотворение Державина вряд ли можно признать горацианским, хотя там говорится о кастальском источнике Державинскую оду отличают от латинского прототипа и размеры (четыре строфы по четыре стиха в каждой превратились в десять строф, состоящих каждая из пяти стихов), и темообразующий мотив Его видим уже в первой строфе, которую редко цитируют⁸

⁶ *Rosendahl G* Deutscher Einfluss auf G R Derzavin Diss Bonn, 1953 S 58–62 Выводы этой до сих пор не утратившей своей ценности работы лишь подтверждены и никоим образом не превзойдены в статье *Доценко И И, Григорова Н В* Г Р Державин и русско-немецкий литературный диалог XVIII в // Творчество Г Р Державина Специфика Традиции (Научные статьи, доклады, очерки, заметки) Тамбов, 1993 С 238–244

⁷ См примечание Я К Грота (I, 77)

⁸ Ее, к примеру, цитирует Ю Н Тынянов в статье «Ода как ораторский жанр» (1922, см *Тынянов Ю Н* Архаисты и новаторы Л, 1929 С 78), но его при этом интересуют анжамбеман и расположение рифм Многие объяснения исследователя вызывают недоумение — так, он выводит нерифмованный стих из античности, игнорируя Вольтера и немецких современников См также *Левицкий А А* Образ воды у Державина и образ поэта // XVIII век СПб, 1996 Сб 20 С 61

Седящ, увенчан осокóю,
 В тени развесистых деревьев,
 На урну облегшись рукою,
 Являющий лицо небес
 Прекрасный вижу я источник

Оду, таким образом, открывает мотив зеркала, здесь впервые появляющийся у Державина в положительном качестве⁹ Он проходит затем через все стихотворение и определяет его тематическое развитие Мотив этот отнюдь не горацанский и отнюдь не античный¹⁰ Но в нем-то и заключается характерное отступление от Горация и от перевода Рамлера, верного образцу Переосмыслив мотив зеркала, Державин одновременно неизбежно переосмыслил и другие горацанские мотивы

В сущности, речь идет о выражении в поэтической форме одного из наиболее характерных представлений протестантской религиозности Взгляд в ничем не замутненное зеркало способен объять весь мир При созерцании неба он, погружаясь в бесконечность, утратил бы зоркость и «увяз» в пространстве Человеческому взору, направленному в зеркало, внятно и неземное, и вечное «Задумчивый поэт» («сидящ на урну облегшись»), как следует из этого образа, вдохновлен небом Поэзия — это посредник, благодаря которому человек познает божественное и вечное Сама по себе река, и в особенности у Державина, — это и метафора, и символ смерти («Водопад», 1794, «Река времен», 1816), то же означает и источник, хотя и на идиллический, аркадский лад Именно поэтому познание божественного и вечного в зеркале струящихся вод одновременно и преодоление смерти — поэзия дарует бессмертие Анализ «Ключа» и родственных ему од может сделанные наблюдения только подтвердить Избранная форма горацанской оды — лишь оболочка, помогающая поэтическому воплощению собственных мыслей

⁹ До этого находим его лишь однажды, в переложении «Оды на ласкательство» (1774) Фридриха Великого Там метафора отражения выступает в качестве отрицательном — как «море заблуждения», являющееся «неверным зеркалом, сокрывшим правду» (строфа XI) Ср также «На порицание» (1774, строфа XVIII), «Ода на знатность» (1774, строфа IV, ст 4)

¹⁰ Приношу благодарность О Цвирлейну за указание тех немногих мест в античной литературе, где встречается мотив зеркала Вергилий, экл II, 25 (восходит к Феокриту, VI, 35), «Энеида», VIII, 20–25 (восходит к Аполлонию Родосскому, III, 55 и далее, IX, 373), Лукреций, IV 209–213 Мотив зеркала здесь, разумеется, никоим образом не связан с поэтическим восприятием христианской религиозности

Основные элементы, из которых возник мотив зеркала, можно найти у Державина и ранее. Собственно отражению сопутствуют вечерняя заря,¹¹ окрашивающая воды в пурпурный цвет (как, к примеру, в четвертой строфе «Ключа»), и услаждение самосозерцания, которое характеризует звучное «любуюсь» (ср в строфе V, ст 2 «Себя в тебе, любуюсь зрит ») Нетрудно проследить, как постепенно и независимо друг от друга появляются эти побочные мотивы

Но откуда возникает сам мотив зеркала в такой его форме? Из русских, французских и немецких лириков, с творчеством которых был знаком Державин, обратили на себя внимание два поэтических имени. Это, во-первых, Бартольд Генрих Брокес (1680—1747), которого, как кажется, еще не связывали с Державиным, хотя и считается (этот тезис применим и к русскому поэту), что «он никогда в полной мере не был свободен от языка барочных образов»¹² В его многочастном собрании стихов «Земное услаждение в Боге» («Das irdische Vergnugen in Gott»), в «Оде к солнцу», читаем

Wenn dein Glanz die Flut verguldet
 Und ins glatte Wasser strahlt,
 Dein vergottert Wesen bildet
 Und mit goldnen Pinseln malt,
 Scheint es, ob die Flut der Erden
 Selbst zum Himmel wolle werden,
 Und das sanft bewegte Meer
 Schimmert wie der Sterne Heer¹³

¹¹ «Заря» может обозначать и утреннюю зарю. Однако здесь имеется в виду именно закат солнца, символизирующий надежду. Напрашивается сравнение с крестьянской поговоркой «какова вечерняя заря, таков друтой день», т. е. будет хорошая погода (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб, 1880. С. 628, здесь же находим и другие аргументы в пользу высказанного положения). Заря сама по себе также символизирует пурпур, цвет властителей.

¹² Мнение Адальберта Эльшенбройха, высказанное во вступительной статье к подготовленному им «изборнику» *Brockes B H Irdisches Vergnugen Stuttgart, 1963* S. 88 (цитируемые стихи — S. 55). Примечательно, что Гизела Розендаль, которая впервые подробно описала барочный стиль Державина, Брокеса даже не упоминает.

¹³ Девять частей «Земного услаждения в Боге» Б. Г. Брокеса публиковались с 1721 по 1748 г. Ср. также в вышеуказанном издании «Das Wasser scheint ein Spiegel» — и тут же безконъюнктивное добавление «Es funkeln Feld und Hugel» (стих «Morgenlied auf dem Garten» — S. 21), «Das Wasser schien bemuht mit tausend bunten Bildern / Die glatte Fläche

Некоторые сопутствующие мотивы налицо, хотя ни вечерняя заря, ни поэзия здесь не упомянуты, а мотив зеркала не возвышен до выражения Божественного

Во-вторых, следует упомянуть «Опыт о стихотворстве» М Н Муравьева, где поэтический слог уподобляется «реке прозрачнейшей», отражающей «вид небес среди спокойных волн»¹⁴

Нелегко выяснить, побудило ли Державина переосмыслить мотив зеркала именно муравьевское стихотворение,¹⁵ так как неизвестно, какой из текстов создан ранее (послание Муравьева написано или в 1780-м, или в 1775 г)¹⁶ Возможно, «Ключ» Державина повлиял на Муравьева, то же понимание поэзии встречаем в 1783 г и у М М Хераскова¹⁷

Представление о том, что можно стать сопричастным Боже-ству, столь совершенно выраженное в поэзии Державина, было в духе времени Оно являлось составной частью учения московских масонов о природе и о набожности (они настойчиво вербовали Державина в свои ряды, правда, не особенно успеш-

zu beschildern» (стих «Die Ameise» — S 26), «Es wurden < > aus jedem Tropfen Spiegel» (стих «Der Garten» — S 29), «Die klare, grünlich dunkle Flut, / Die in des Teiches Ufers Schoß, / Bekranzt mit Moos, / An schlanker Baume Wurzeln ruht, / Auf einer weißen Glut / Oft laßt es recht, als ob, uns doppelt zu ergetzen, / Die Blatter sich aufs neu zusammensetzen, / Wodurch sie denn noch mehr das dunkle Wasser zieren / Und neue Blumen drauf formieren / Es scheinen Wasser, Busch und Hecken, / Es scheinen Krauter, Beete, Gange, / Als wenn sie riechender schneeweißer Flocken Menge / Und weiße Rosenblätter decken» (то же стих — S 34)

¹⁴ *Муравьев М Н* Стихотворения / Вступ ст, подгот текста и примеч Л И Кулаковой Л, 1967 С 132

¹⁵ Ср в статье В А Запорова о Державине, при характеристике «переломного момента» 1779 г « стихи Муравьева убеждали в практической возможности индивидуальной реализации художественного дарования» (Словарь русских писателей XVIII века Л, 1988 Вып 1 (А-И) С 249–259)

¹⁶ *Муравьев М Н* Стихотворения С 136 Л И Кулакова допускает неточности (так, на с 333 она говорит о перечне стихов 1775 г, а на с 320 — 1776-го, из упоминания на с 333 непонятно, существовал ли текст уже в 1775 г или был написан в 1776-м) Прояснение этого вопроса весьма желательно, ибо от него зависит общее объяснение так называемого «скачка» 1779 г Ср также *Запорова В А* Державин и Муравьев // XVIII век Л, 1966 Сб 7 С 248 Поэты познакомились только в 1781 г

¹⁷ См 2-й стих VII строфы в стихотворении М М Хераскова «Апрель» (*Херасков М М* Стихотворения и поэмы Л, 1966 С 137)

но)¹⁸ Во всяком случае, Державин счастливо нашел поэтический образ (водное отражение небес), и ему удалось лучше осмыслить свое отношение как к миру внешнему, так и к миру собственных идей

В феврале 1777 г он перешел в гражданскую службу, получил в Белоруссии поместье и триста душ крестьян, стал вхож в высшие круги общества¹⁹ Он также успел ощутить, что противоречие между побуждениями совести и обязанностями службы может быть непреодолимо куда почетней избрать немилость, если повиновение не способно принести чести,²⁰ — таким был главный вывод независимой личности на исходе XVIII столетия Утратив благоволение генерал-прокурора А А Вяземского (1727–1796), покровительствовавшего поэту в течение нескольких лет, Державин был принужден в 1783 г оставить службу под его началом

До этого времени речь шла, собственно, об обычном просветительстве в поэзии, о стремлении выразить противоборство долга и чести, т е, в сущности, облечь в поэтическую форму абстрактные представления о справедливости На этот путь Державин

¹⁸ Ср в письме Н Н Трубецкого А А Ржевскому от 10 сентября 1783 г «Державин поехал в П[етербург], мне кажется, готов быть в ордене Испытай его, а ежели он таков, то бы я тебе советовал дать ему четыре степени рука на руку, а потом принять в теоретическую степень» (*Барсков Я Л* Переписка московских масонов XVIII века (1780–1792 гг) Пг, 1915 С 261, см также комментарий на с 316 И В Лопухин посвятил 2-е издание своей книги «О внутренней церкви» Державину, «великому гению, написавшему оду „Бог“») Державин сам писал позднее, что его тетушка еще в 1762 г настойчиво предостерегла от контактов с масонами (а именно с И П Елагиным) См также *Пытин А Н* Русское масонство (XVIII и первая четверть XIX века) Исследования и материалы по эпохе Екатерины II и Александра I Пг, 1916 С 93, 97, 127, 266 и сл, 280, 506, 538, *Вернадский Г В* Русское масонство в царствование Екатерины II Пг, 1917 С 7, 10, 19, 54 и сл, *Аптекман М* Державин и масоны // Гаврила Державин Нортфилд, Вермонт, 1995 С 23–28

¹⁹ См *Глинка Н И* Державин в Петербурге Л, 1985 С 29 и сл, *Западов В А Г Р* Державин // Словарь русских писателей XVIII века Вып 1 (А–И) С 249 и сл

²⁰ Надпись на надгробии полковника И Ф А фон дер Марвица (1723–1781), добровольно оставившего службу у Фридриха Великого, гласит «Er sah Friedrichs Heldenzeit und kampfte mit ihm in allen Kriegen Wahlte Ungnade, wo Gehorsam nicht Ehre brachte» (*Foniane T* Wanderungen durch die Mark Brandenburg 2 Teil Das Oderland Schloß Friedrichshof Berlin und Weimar, 1991 S 226)

вступил уже в 1780-м, обратясь с обличениями к «земным богам» в переложении 81-го (82-го в западной христианской традиции) псалма; лишь в 1808 г. оно получило название «Властителям и судиям». Впервые наполненный у Державина новым политическим смыслом жанр переложений из Псалтири оставался актуальным в русской поэзии вплоть до декабристов (Ф. Н. Глинка в первую очередь).

Но это был лишь первый шаг. В то же самое время под сильным впечатлением Пасхальной службы 1780 г. Державин начал писать оду «Бог». Работа над ней продолжалась до 1784 г. Тщательно продуманная композиция оды (пять строф, затем одна, затем еще пять) анализировалась неоднократно. Ее кульминация — описание непостижимой безмерности Бога в двух центральных стихах центральной, шестой по порядку, строфы, в смелом образе миллионов миров, зыблющихся в воздушном океане и оказывающихся в сравнении с Богом «точкою одною», тогда как человек — ничем. Во второй части оды человек «возвышен» до божественного создания и венца творения. При этом мотиву зеркала отведена важнейшая роль:

Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.

(строфа VII, ст. 3–4).

Метафора отражения подчеркивает здесь мысль горацянскую: человек (речь пока идет не о поэте) способен охватить оком «всю вселенну»; та же метафора должна выразить идею спасения (до нее литература русского Просвещения того времени еще не поднималась), заключающуюся в том, что Бог живет и внятен в человеке как в своем образе и создании, необъятный и безмерный в малом. «Находясь на распутии между вольтерьянством и религией», как сказал Новиков,²¹ русский поэт уповал не столько на церковную традицию, сколько на собственный религиозный опыт:

. . . Но жизнь я ощущаю,
Несыгтым некаким летаю,
Всегда пареньем в высоты.

(строфа VII, ст. 5–7).

Приближение к Богу («парение») возможно не только в потустороннем мире. Человек способен познавать жизнь в своем внутреннем опыте (ср. ст. 10 в строфе VII: «. . . жизнь я ощу-

²¹ Лонгинов М. И. Новиков и московские мартинисты М., 1867. С. 99; Rotbe H. Karamsins europaische Reise. Der Beginn des russischen Romans. Bad Homburg, Berlin, Zurich, 1968. S. 34

шаю»), и поэтому по своей природе он способен к парению, к созерцанию возвышенного, ибо природа его Божественна: «Я есмь — конечно есть и Ты!» (строфа VII, ст. 10). Этот знаменитый стих, очевидно, восходит в формуле Декарта «*cogito — ergo sum*», повторяя возражение Паскаля на эту раннюю просветительскую формулу. В какой степени Декарт был известен в России во второй половине XVIII века — вопрос пока не исследованный; Паскаль же входил в круг почитаемых масонами авторов.²² Просветительские формулы, таким образом, должны были быть поставлены на службу постижения Божественного. Допущение для себя возможности Его постижения и есть, в сущности, вера. Будучи опытом, она связана с реальным миром, с услаждением им; к ней лучше всего подходит определение «благоговение перед Божиим миром» («*Weltfrommigkeit*»). С этого момента она не оставляла Державина более ни на минуту в течение всей его жизни, и в каждом из его произведений она ощущима.

Упомянем попутно оду «На смерть графини Румянцевой» (1788; I, 214–221), где встречаем мотив зеркала в центральной строфе:

Как солнце тускло ниспущает
 Последние свои лучи,
 По небу, по водам блистает
 Румяною зарей в ночи:
 Так с тихим вздохом, взором ясным
 Она оставила сей свет,
 Но именем своим прекрасным
 Еще, еще она живет.

Употребление прилагательного «румяный», вызывающее в памяти имя умершей графини, связывает мотив зеркала с вечерней зарей; в образе заката солнца представления о смерти (ст. 5–6) соединяются с представлениями о бессмертии («еще живет»). Одна из деталей заслуживает особенного внимания — здесь, по видимому, впервые в русской поэзии, употреблен эпитет «прекрасный» для обозначения состояния души в связи с идеей бессмертия, что было характерно для немецкой литературы еще догеттевского периода. Таким образом, русское Просвещение приобрело иное качество и иное направление. Если слишком часто до того просвещение видели в блеске и величии государства,

²² Ср публикации, зафиксированные в справочнике *Неустроев А. Н. Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703–1802 гг и к историческому разысканию о них* СПб, 1898 С 476. На переводы из Декарта здесь не содержится ни одного указания

разве что дополненным созданием полезных учреждений, то теперь оно связывалось с идеей душевного совершенства, это убеждение исподволь начиная уже с 1760 г вызревало и в херасковском кружке

Мотив зеркала, связан с композицией столь пространных од, как «Изображение Фелицы» (1789), «На взятие Измаила» (1790–1791) или «Водопад» (1791–1794) Между тем следующий этап творчества Державина составляют два стихотворения, которые, в сущности, следует признать дальнейшей экспликацией мотива зеркала «Прогулка в Сарском Селе» (1791) и «Ласточка» (1792–1794) И в том и в другом стихотворении поэт отказался от членения на строфы и тем самым от стройной композиции, которая тем не менее существует Обратим внимание на второе стихотворение В нем неожиданно находим непопулярный в то время трехиктовый амфибрахий²³ Это, как кажется, лучшее из стихотворений о бессмертии у Державина, а может быть, и во всей русской литературе

Роль метафор в композиции стихотворения не была еще должным образом прослежена, между тем сделать это нетрудно Первоначально, в 1792 г, стихотворение состояло из двух равных частей, по 22 стиха в каждой, и из концовки (четыре стиха) В первых двенадцати стихах первой части поэт обращается к ласточке и описывает ее, используя уменьшительно-ласкательные наименования и звукоподражания В стихах 13–16 вновь встречаем мотив зеркала

Ты часто во зеркале водном
Под рдяной играешь водой,
На зыбком лазуре бездонном
Тенью мелькаешь твоей

Ласточка, несомненно, и метафора поэзии (а не только олицетворение бессмертной души), видит при свете вечерней зари весь мир в зеркале вод (ст 21 «Но видишь там всю ты вселенну») Эта «вся вселенна» в ее многообразных изменениях в течение года подробно описывается во второй части (ст 23–44), за которой следует собственно концовка (ст 45–48)

Душа моя! гостя ты мира!
Не ты ли перната сия?
Воспой же бессмертие, лира!
Восстану, восстану и я

²³ Капнист использовал для своего переложения четырехстопный ямб (I, 423–427)

Бессмертие, уподобленное полету птицы, неотделимо здесь от поэзии: это лет стихов, олицетворяющий бессмертие наглядно и внятно. Можно смело говорить о неоплатонизме этих образов: душа — «гостя этого мира», поэт, способный в отражении увидеть более, чем непосредственно в реальности.²⁴ Подобные представления были присущи Державину изначально. Здесь же слышатся ноты тоски, звучащие в унисон с явственно различимыми нотами одиночества ранних стихотворений.

Именно поэтому два года спустя после смерти первой жены он посвящает стихотворение ее памяти и добавляет финальное двестише:

Восстану — и в бездне эфира
Увижу ль тебя я, Пленира?

Общее стихотворное целое оживлено теперь не только неоплатонической идеей томления по умершей жене, но и новым ритмом зыблущихся стихов.

Метаморфозы мотива зеркала завершаются в творчестве поэта через год. В 1795-м он возвращается к Горацию, подражает ему Первая часть державинского «Памятника» (I, 786–788) — это вольный перевод знаменитой тридцатой оды из III книги Горация («ода бессмертия»). Четыре строфы латинского оригинала обращены Державиным в пять, из которых две первые относительно точно следуют двум первым строфам римского классика. В третью строфу Державин включил мотивы из оды двадцатой II книги Горация («ода преображения»), что существенно. Именно в этой оде (кн. II, ода 20) Гораций описал обращение поэта в поющего лебедя, с высоты своего полета охватывающего взором «всю вселенну» и отражающего ее в песне. У Державина мотив зеркала неявен, но созерцание «всей вселенной» находим в центральной, третьей, строфе; здесь же появляются аллюзии, связанные с двумя вышеупомянутыми одами Горация, — ср.: «ego, pauperum / Sanguis parentum» (кн. II, ода 20) и «ex humili potens» (кн. III, ода 30). Державин смело уподобляет себя и свою поэзию поющему лебедю и завершает оду обращением к Музе, так преобразяя знаменитые стихи Горация (ср.: кн. III, ода 30: «. . . mihi Delphica / Lauro cinge volens, Melpomene, comam»):

Чело свое зарей бессмертия венчай

²⁴ Ср в связи с этим предвзятое суждение А. Н. Пыпина о Державине «Его собственные метафизические понятия не отличались особенною ясностью» (*Пыпин А. Н. Русское масонство* С 280)

Этот финал, как, впрочем, и вся ода, где мотив отражения оттеснен на второй план, более соответствует духу античности и духу Горация, энтузиазм протестантской (также и масонской) набожности, уменьшен, но это не изменяет общей тональности стихотворения вечерняя заря, венчающая чело поэта, олицетворяет его связь с вечностью

Был это уход от общественной жизни, уход в царство лишь поэтического? После многочисленных выражений высочайшего неудовольствия, после подозрений и отказов в течение стольких лет это было бы неудивительным. Не была ли неколебимая уверенность поэта в том, что Муза дарует ему посмертную славу «непринужденною рукой неторопливою», чем-то большим, чем просто ответ высокосветскому и придворному миру? Не имел ли также политического значения тот факт, что именно «зрящий поэт» показал невозможность существования просвещенного и процветающего государства без гарантий независимости и внутренней свободы личности? Почти к тем же выводам одновременно с Державиным пришел и Карамзин, приготавливаясь к написанию исторических сочинений²⁵

* * *

Мотив зеркала — часть миропонимания, видящего в реальных предметах отражение истинной действительности. В платонической философии они называются идеями²⁶. Державин, конечно, не был философом, и его познания в этой области были, по всей видимости, случайны и несистематичны. Недаром его часто называли «варваром»²⁷. Державин никогда не чувствовал себя связанным систематическими понятиями философии, что не препятство-

²⁵ См. об этом *Rothé H. Karamsins europäische Reise* S. 367, 385, 402 и сл.

²⁶ Философия Платона впервые становится известной в России среди московских масонов.

²⁷ Ср., к примеру, письмо А. С. Пушкина к А. А. Дельвигу от начала июня 1825 г. *Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [Л]*, 1937 Т. XIII Переписка 1815–1824 С. 181. В. Г. Белинский, для которого в его «Литературных мечтаниях» (1834) и рецензии на Полевого (1840) Державин еще «оставался < > идеалом истинного поэта», оценивал его позднее совсем иначе, например в статье «Русская литература в 1841 году» (*Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., Л., 1954 Т. V С. 535* и далее), а в конце концов полностью отверг его творчество в четвертой статье о Пушкине (там же Т. VII С. 267). Ср. также *Mirsky D. S. Geschichte der russischen Literatur München, 1964 S. 55*, *Ходасевич В. Ф. Державин М., 1988 С. 83*.

вало ему находить радость в соприкосновении с окружающим его конкретно-чувственным миром.

Мотив зеркала помогает осмыслить реальный мир как отражение. Державина при преобразении этого мотива в поэтические метафоры, как кажется, интересовали три возможности:

1) поэтически выразить в эпоху, когда «просвещение» было модой, ощущение набожности и благочестия; именно такой была натура поэта;

2) показать, что в малом и единичном явлен и внятен весь мир как создание Творца;

3) выразить, и в первую очередь в поэзии, идею бессмертия.

Если попытаться высказать эти идеи языком прозаической повседневности, что неоднократно делали поэты эпохи Просвещения, то они, конечно, сохранят свое философское значение, но не поэтическую выразительность и не способность воздействовать на читателя. Именно этого эффекта добивается поэт. Его поэтическое изображение мира значительно превосходит возможности классицистической риторики, господствовавшей в России до 1760–1770-х гг. Кто пришел к заключению, что реальный мир лишь отражение иной действительности, тот может преобразить и переосмыслить любой риторический прием и в конце концов от него отказаться. После 1795 г. роль мотива зеркала в творчестве Державина значительно уменьшается. Поэт пробует свои силы в драме (впрочем, не особенно удачно) и возвращается к анакреонтике своей юности.

И все же созданное Державиным в течение почти двух десятилетий, с 1774 по 1795 г., определило дальнейший путь политически независимой поэзии.

Перевод с немецкого К. Ю. Лапто-Данилевского